

МОНГОЛИЯ. КОЧЕВНИКИ В ГОРОДЕ

В.И. ТЕРЕНТЬЕВ

Аспирант

Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск)

Ключевые слова: Монголия, Улан-Батор, кочевники, пространство, миграции, этничность

Согласно событийной логике, ни одно явление не исчезает бесследно. В связи с этим возникает вопрос: как называть кочевников, перешедших к иным формам хозяйственной деятельности, но сохранивших культурно-бытовые стереотипы и мировоззренческие представления?

В первую очередь, нас интересует специфика растворения кочевой культуры в городской среде, доминирование «кочевого» мировоззрения над «земледельческим» в условиях города и вытекающая из этого трансформация в «кочевом духе» города - продукта оседлой цивилизации. Как ни что иное, лучше всего иллюстрирует указанные сюжеты столица Монголии - город Улан-Батор, подвергшийся за последние полтора десятка лет значительным метаморфозам.

Повествование построено на анализе наблюдений, проведенных автором в Улан-Баторе в период стажировки с сентября 2013 г. и по настоящее время.

Вторая задача настоящей работы - рассмотрение путей выстраивания этнокультурного диалога внутри полиэтнического Улан-Батора².

Минимальные противоречия, существовавшие в повседневном общении среди представителей некоторых дисперсно расселенных этнических групп, в условиях ограниченного городского пространства трансформируются в межкультурный антагонизм, замкнутый на традиционной для большинства обществ розни между коренными жителями и мигрантами. Противоречия сглаживаются постепенно, по мере усвоения последними городских норм поведения. На основе этого диалога в столице более ускоренно идет процесс становления гражданской монгольской нации, по-

В современном кочевниковедении лейтмотивом является представление об отсутствии в настоящее время т.н. «чистых кочевников» - людей, основным способом существования которых является круглогодичное занятие экстенсивным подвижным животноводством. Высказываются мнения об окончании исторической миссии кочевничества и о грядущем исчезновении полукочевого образа жизни к концу текущего столетия¹.

сколько многие новые горожане отказываются от прежней этнической, «племенной» идентичности в пользу общенациональной, гражданской.

Сегодня кочевничество включает не только синтез соответствующего способа производства, социально-экономических отношений, общественно-политической организации социума, но и мировоззренческие аспекты. Исследователи выделяют две стороны явления: хозяйственную и культурно-бытовую, включающую мировоззрение.

В этой связи приведем мнение политолога А.В. Михалева о влиянии социалистической модели развития страны на переход монголов от кочевок к миграциям. Ученый полагает, что «данные способы освоения пространства накладываются друг на друга, формируя уникальное явление - монгольскую миграцию», и обращает внимание на отсутствие «фундаментальных работ по проблеме седентаризации»³ (перехода на оседлый образ жизни) в Монголии.

Мы также не смешиваем кочевки и миграции в одно, а фокуси-

руем внимание на культурно-бытовых практиках, сопровождающих условное «оседание» кочевников в пределах Улан-Батора, поскольку, в отличие от А.В. Михалева, обращаемся к более позднему времени - началу XXI в., полагая, что в этот период происходит феномен иного порядка.

СКОТОВОДСТВО И МИГРАЦИИ В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МОНГОЛИИ

В результате политики седентаризации большинство кочевых обществ с окончанием социалистической истории не стали массово возвращаться к прежним хозяйственным занятиям. Ярким исключением из данного правила стала Монголия, в которой в начале 1990-х гг., в эпоху резкого перехода от социалистической экономики к рыночной и последовавшей за этим стихийной приватизации, численность частных скотоводческих хозяйств выросла с 8 тыс. в конце 1991 г. до 80,1 тыс. в конце 1993 г.⁴

Одновременно с этим начался рост сельского населения, который в 1989-2000 гг., впервые за всю историю монгольской урбанизации второй половины XX в., опередил темпы роста городского (17,2% против 15,2%)⁵. Данное явление отечественный монголовед В.В. Грайворонский назвал «феноменом реномадизации»⁶. Это связано с ухудшением жизни в городах и возвратом к единственному продуктивному способу существования - традиционному пастбищно-кочевому животноводству.

С начала 2000-х гг. число кочевников постепенно снижается. К примеру, количество скотоводческих хозяйств, согласно докладу руководителя Департамента

Дома-самострои, уходящие за горизонт, - всего в двух кварталах от центральной улицы Улан-Батора. 23.12.2014.

координации политики в области скотоводства министерства промышленности и сельского хозяйства Монголии Н.Ганибала, с 160,3 тыс. в 2010 г. сократилось до 145,2 тыс. в 2013 г., на конец того же года в Монголии было 285,5 тыс. скотоводов⁷.

По статистике выходит, что хозяйство состоит из двух человек. Но в реальности многие родственники, состоящие официально на другой работе, или учащиеся в свободное время помогают семье в уходе за скотом. Некоторые студенты на выходных едут из Улан-Батора в сельскую местность к родственникам-скотоводам. В летнее время в хозяйстве активно заняты дети.

В нашей практике встречался случай, когда студентка МЭСИ (Московского государственного университета экономики, статистики и информатики) вместе с тремя своими братьями и сестрами на всё лето поселялась у бабушки с дедушкой на стойбище в Западной Монголии. Вот почему в литературе иногда указывается, что хозяйство состоит из 4-5 человек.

По причине затянувшегося социально-экономического кризиса в начале XXI в. отток населения в сельскую местность сменился увеличением миграции в центр и, прежде всего, в столицу Монголии⁸. Миграции в города Монголии начались еще в 1960-е гг. Причина заключалась в недовольстве политикой, проводимой в сельскохозяйственных объединениях, в результате чего число

скотоводов в 1960-1985 гг. сократилось на 30%⁹. В силу оскудения пастбищ и отсутствия в провинции должного количества образовательных и медицинских учреждений, с конца 1980-х гг. увеличился поток переселенцев в некоторые центральные и северные аймаки*, например, в Селенгинский. По словам наших информантов, сегодня там, в сомоне**

Сант, проживает 170 семей, из них 80 - уроженцы северо-западного аймака Увс: этнические группы дербетов и баятов.

Негласное правило социального времени о лимите населения Улан-Батора в 600 тыс. человек¹⁰ ушло в небытие вместе с эпохой. Согласно данным последней «Государственной переписи населения и жилья Монголии», с 2000 по 2010 гг. население столицы Монголии увеличилось

* Аймак - крупнейшая административно-территориальная единица Монголии (прим. авт.).

** Сомон - район, входящий в аймак (прим. авт.).

с 760 тыс. человек до 1,24 млн¹¹. В 2013 г., по официальной статистике, оно составило 1,3 млн человек¹², по другим данным - 1,5 млн, или больше половины всего населения страны (около 2,9 млн человек). Так вчерашние кочевники в массовом порядке оказываются в принципиально иных социально-культурных условиях города.

ОРИЕНТАЦИЯ В ГОРОДЕ И РУРАЛИЗАЦИЯ* ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА**

По мнению монголоведов Н.Л.Жуковской¹³ и Т.Д.Скрынниковой¹⁴, в традиционной культуре монголов сочетаются статический (концентрический), более характерный для земледельцев, и динамический (линейный), свойственный кочевникам, способы освоения пространства. Статика заключается в организации жилого пространства возле юрты,

Юрты (слева) на фоне высотных зданий. Улан-Батор, 23.12.2014.

выступающей центром обжитого микрокосма, и его известного одомашнивания. Динамика связана с главной характеристикой кочевника - мобильностью. В условиях сезонных перемещений по приблизительно одним и тем же маршрутам у степняков возникла микротопонимика, построенная на цветовых, числовых

*** Рурализация - процесс оттока населения из городов в сельскую местность; явление, противоположное урбанизации (прим. авт.).

или иных особенностях географических объектов¹⁵.

Оказавшись в городе, вчерашние кочевники переносят на новую местность степную модель ориентации. В условиях Улан-Батора к динамичности добавляется «описательность», заменяющая собой четкую адресную привязку зданий и перекликающаяся со способами устной фиксации микротопонимов в степи. Это гармонично сочетается со стихийной и слабо контролируемой точечной застройкой свободных участков города, активно начавшейся с конца 1990-х гг. и продолжающейся по настоящее время, которая привела к размыванию линейной системы улиц.

Как сказала одна наша собеседница, уроженка аймака Увс, постоянно проживающая в Улан-Баторе с 2000 г.: «Мы с мужем имеем высшее образование, давно живем в городе, но не знаем названия улиц». Никто из более чем 200 опрошенных нами студентов Монгольского национального университета* не назвал своего точного домашнего адреса: название улицы, номер дома и квартиры. Чаще озвучивался номер района или название остановки, в окрестностях которой проживает тот или иной информант. В строке «Адрес» гражданских удостоверений, выполняющих в Монголии функции паспорта, указаны по порядку - округ, район, микрорайон, номер дома и номер квартиры. Причем таблички с нумерацией на домах города практически отсутствуют.

Это обстоятельство, кажущееся удивительным и создающее повседневные трудности для пришлого носителя некоей, европейской культуры, по привычке пытающегося по номеру дома найти на той или иной улице интересующий его объект, гармонично вписывается в рамки монгольского менталитета. Городские постройки фиксируются в сознании жителей на основе качественных описаний, например, «длинный, белый» - известный торговый центр на улице Туристов с прилегающей к нему торговой площадью; «зеленое здание», и т.д.

* Не следует путать этот крупнейший частный вуз страны с Монгольским государственным университетом (прим. авт.).

Важным ориентиром в пространстве Улан-Батора являются автобусные остановки, относительно которых горожане определяют место расположения необходимого объекта и количеством которых измеряются городские расстояния. К примеру, в западной части города, на центральной улице города - проспекте Мира** - соседствуют остановки «Хархорин» и «Цамбагарав» - пункты, преимущественно, одноименные торговым центрам. В реальности Хархорин - это название столицы Монгольской империи XIII в. (сегодня - это центр одноименного сомона в Увурхангай аймаке, расположенный на том же месте), Цамбагарав - священная вершина высотой 4165 м, находящаяся в Западной Монголии на границе Ховд и Баян-Ульгий аймаков.

В одной из своих работ известный этнограф и антрополог А.К.Байбурин пишет, что «столица государства создается как собирательный образ подчиненных ему земель»¹⁶. В цитируемой статье рассматривается опыт подчинения пространства на примере создания столичных музеев, экспозиции которых демонстрируют провинции страны. Применяя данное наблюдение к нашей работе, можно предположить, что Улан-Батор является проекцией всей страны и - шире - азиатского пространства. Данное обстоятельство согласуется с общей социокультурной и внешнеполитической динамикой развития Монголии, которая в условиях кризиса и последующего распада социалистической системы с 1990-х гг. начала интеграцию в

** Название «проспект Мира» также практически не используется в повседневном общении улан-баторцев, вместо этого говорят «главная улица» (прим. авт.).

Площадь им. Г.К.Жукова. Слева - памятник, справа - музей Маршала Советского Союза. Улан-Батор, 24.12.2014.

азиатские пределы и активно развивать культурные, образовательные и научные партнерские связи с Китаем, Японией, Южной Кореей и КНДР.

Остановка, стоянка, стойбище - важные элементы в кочевой культуре. Автобусные остановки, согласно определению некоторых наших собеседников, по смыслу соотносятся с традиционными сезонными стойбищами мобильных скотоводов: зимниками, весенниками, летниками, осенниками - и сопровождающими их пастбищами. Именно остановка регулирует и выражает кочевой характер культуры. Она служит мерилем, инструментом постижения кочевой природы монголов. Остановками измеряется пространство, а также через их количество выражается время следования по тому или иному маршруту.

Отличительным признаком современного Улан-Батора является увеличение количества юрточных кварталов (монг. - *гэр хороолол*, дословно - юрта-квартал) и частных домов-самостроев. В монгольском языке уже прочно закрепился неологизм «*g-хороолол*», образованный из двух слов: от английского варианта написания названия традиционного монгольского жилища *гэр* - *ger* и *хороолол* - «микрорайон, квартал».

Рост юрточных кварталов способствует расширению границ города и свидетельствует о рурализации городского пространства. Это явление свойственно некоторым постсоветским городам. Географически ближайшим к Улан-

Батору примером служит столица Республики Бурятия - Улан-Удэ, город-побратим Улан-Батора¹⁷. В июле 2013 г. на X Конгрессе этнографов и антропологов России данной проблематике была посвящена секция «Урбанизация по-советски: рурализация городского пространства»¹⁸.

Тема юрточных кварталов, в которых используется исключительно печное отопление, часто поднимается в СМИ именно в зимнее время, когда Улан-Батор окутывает плотный слой смога. До начала 2000-х гг. город не знал этой экологической проблемы. Летом 2013 г. в Монголии была принята программа, направленная на проведение уличного освещения и водоснабжения в юрточных кварталах и поэтапное расселение их жителей. На начало ноября 2014 г. в благоустроенные квартиры было переселено только 168 семей¹⁹.

К числу культурных феноменов городских посткочевников относится отождествление лошади и автомобиля и вытекающая из этого манера вождения: там, где может пройти конь, обязательно протиснется автомобиль. Рассматривая движение как важнейшую категорию монгольской культуры, отметим специфику его проявления в городской среде.

В ходе многочисленных бесед нам не раз приходилось слышать примерно следующее: «Если монгол долго не двигается, он начинает себя плохо чувствовать». Вкупе с общеизвестным суждением о сужении городом пространственных представлений и предосудительным, презрительным отношением к пешему движению в монгольской культуре, это выливается в то, что даже самое кратчайшее расстояние монголы привыкли преодолевать на такси или попутной машине. Мечтой многих пеших жителей стало скорейшее обзаведение автомобилем.

Не столь известен в науке феномен организации жилого пространства квартиры в соответствии с регламентом расположения предметов в юрте. На данное обстоятельство одним из первых обратил внимание этносоциолог и монголовед Д.В.Ушаков. В квартире его знакомого традиционно выделялись мужская и женская полови-

ны и сакральная северная часть с алтарем; отличия от юрты сводились лишь к присутствию отдельной кухни и прихожей. Также вместо очага в центре комнаты находился стол с компьютером и принтером²⁰.

Сегодня подобную «юрточную» модель обустройства квартиры можно встретить либо у представителей пожилого поколения, либо у не родившихся в Улан-Баторе, а приехавших из сельской местности, т.е. посткочевников. Обязательное наличие специального шкафа-алтаря с буддийскими божествами и фотографиями предков является отличительным признаком некоренного улан-баторца.

УЛАН-БАТОР КАК ПЛАВИЛЬНЫЙ КОТЕЛ

При переезде в столицу сокращается дистанция между представителями различных этнических общностей Монголии. Этнического размежевания и, как следствие, возникновения обособленных «этнических» (например, казахских) кварталов не происходит. Исключение - условно называемый «русский квартал» в 13-м и 15-м микрорайонах округа Баянзурх («деревня Жуковка» - как говорят *местны орос**; или «Жуков», как часто называют это место жители Улан-Батора^{**}). Но после оттока в начале 1990-х гг. большинства советских специалистов из страны здесь, в основном, проживают граждане Монголии.

В этом аспекте Улан-Батор выступает в качестве плавильного котла, который сглаживает этническую напряженность, существующую в некоторых аймаках. Так, на западе страны во время одной из экспедиций в августе 2009 г. нами фиксировалось наличие данной проблемы между монголоязычными этническими общностями и казахами. На адресованный к последним вопрос «Как вы относитесь к смешанным бракам?», один из информантов из сомона Толбо, самого

западного аймака Баян-Ульгий^{***}, ответил: «За казаха выходить замуж (или жениться на казашке) можно, а если выйдет за монгола (или женится на монголке) - убью».

Вместо подобных конфронтаций диалог «коренных» жителей и «понаехавших» выливается периодически в словесные перепалки и оскорбления. Это проявляется чаще всего обозначением недавних провинциалов словом «худонский» - «деревенщина».

Среди бытовых поведенческих норм новых горожан, которые не вписываются в представления коренных улан-баторцев, отмечается несоблюдение правил дорожного движения, антисанитарное поведение на улицах, детское попрошайничество и т.п. Неслучайно президент Монголии Ц.Элбэгдорж в 2011 г. на праздновании 100-летия восстановления независимости страны сказал: «У нас нет такого понятия, как монгол из Улан-Батора и монгол из худона (провинции)»²¹, - подчеркнув, таким способом, осведомленность политического руководства страны о подобном конфликте.

В обыденном сознании монголов распространено представление об угрозе китайской экспансии. Этим обусловлена растущая ксенофобия по отношению к китайцам и, в меньшей степени, к некоторым другим иностранцам. Опасения вызывают не только перспектива размывания идентичности монголов, но и возможные потери территории²².

Наличие общего врага всегда обостряет чувство национальной идентичности и является одним из факторов, цементирующих гражданскую нацию. Механизмы национальной консолидации были нами показаны в предыдущей статье²³.

Здесь укажем на высокую скорость национальной консолидации людей, оказавшихся в столице, поскольку в Улан-Баторе люди попадают в непрерывный информационный поток и под воздействием средств, транслирующих основные принципы современной монгольской идеологии нациестроительства.

*** На конец 2013 г. из 91 тыс. населения этого аймака около 89% составляли казахи (прим. авт.).

* Общепринятое в Монголии название всех потомков русских старожилов. Вошло и в монгольский язык - *местны орос* (орос - «русский») (прим. авт.).

** Здесь находятся музей Маршала Г.К.Жукова и площадь, названная в честь советского полководца (прим. авт.).

УЛАН-БАТОР КАК ФЕНОМЕН ПОСТКОЧЕВНИЧЕСТВА

Говоря об исчезновении кочевничества к концу текущего столетия, исследователи подразумевают, в основном, хозяйственную составляющую, упуская из виду культурно-бытовые особенности. Рассмотренные на опыте Улан-Батора современные способы приспособления вчерашних кочевников как носителей определенного культурного феномена к альтернативно иным условиям города позволяют говорить о пространстве столицы Монголии как феномене посткочевничества.

Резкое увеличение населения диктует «новоприбывшим» необходимость принятия социокультурных норм городского поведения. Одновременно с переездом в город бывшие кочевники переносят степные модели ориентации в пространстве и его организации, что выливается в выработку специфической микротопонимики, придачу автобусным остановкам статуса главных ориентиров не только в пространстве, но и во

времени, организацию жилого пространства в соответствии с «юрточной» моделью. К отличиям современного Улан-Батора относится синхронность процессов рурализации и урбанизации.

Переезжая в город, монгол не теряет связи с родным аймаком и с другими территориями проживания своих родственников. В столице действуют советы выходцев из той или иной провинции страны. С переездом на новое место жительства происходит отрыв от родной земли и от всех природно-ландшафтных объектов, составляющих сакральный локус семьи.

В условиях отсутствия семейных святынь наблюдается либо полное «обмирщение сознания», либо выстраивание новой религиозной картины мира с почитанием одной из четырех гор, окружающих Улан-Батор. К примеру, любая трапеза или первый утренний чай начинаются с обращения и кропления в сторону близлежащей вершины. В первый день традиционного Нового года по лунному календарю - «Белого месяца» (*Цаган сар*) - некоторые муж-

чины совершают восхождение на вершину горы, вблизи которой они живут вместе с семьей. Третий вариант сводится к периодическим поездкам на малую родину. Частые поездки отражают высокую динамику населения всей страны. Именно поэтому мы в начале данного исследования назвали современное оседание кочевников «условным».

В процессе адаптации мигрантов к городской среде существовавшие ранее межэтнические конфликты трансформируются в межкультурные. Некоторые новые горожане, отрицающие нормы городского поведения, оказываются на периферии общественных отношений, а принимающие становятся одним из основных элементов формирующейся в стране гражданской нации.

Фото автора

¹ Арутюнов С.А., Козлов С.Я. Жизнь - это кочевать - http://www.ng.ru/science/2006-06-28/14_kochevniki.html

² По результатам переписи 2010 г. и согласно этнологической номенклатуре, принятой в стране, население Монголии состоит из двух «национальностей», или субнациональных групп: казахов (3,86%) и монголов. Последние включают в себя *халха* (82,4%) и свыше 20 других этнических групп («народностей, племен»): *дербет* (2,75%), *баяты* (2,15%), *буряты* (1,71%), *захчины* (1,25%), *дариганга* (1,04%), *урианхайцы* (1,01%) и др. В Улан-Баторе проживают представители фактически всех групп - См.: Хун ам, орон сууцны 2010 оны улсын тооллогын ур дун (Результаты государственной переписи населения и жилья 2010 г.) - <http://www.toollogo2010.mn>

³ Цит. по: Михалев А.В. Монголия в системе международных миграций // Из Азии в Сибирь, или в поисках «Нового света» (положение трудовых мигрантов из Центральной Азии в Бурятии). Улан-Удэ, Изд-во БНЦ СО РАН. 2013, с. 108-109. (Mikhalev A.V. 2013. Mongoliya v sisteme mezhdunarodnykh migratsiy // Iz Azii v Sibir, ili v poiskakh «Novogo sveta». Ulan-Ude) (in Russian)

⁴ Грейворонский В.В. Современное аратство Монголии. Социальные проблемы переходного периода 1980-1995 гг. М., ИВ РАН. 1997, с. 126. (Grayvoronskiy V.V. 1997. Sovremennoe aratstvo Mongolii. Sotsialnye problemy perekhodnogo perioda 1980-1995 gg. M.) (in Russian)

⁵ Грейворонский В.В. Изменения в условиях жизни населения Бурятии (Россия), Монголии и Внутренней Монголии (Китай) в конце XX - начале XXI вв. М., ИВ РАН. 2013, с. 84-85. (Grayvoronskiy V.V. 2013. Izmeneniya v usloviyakh zhizni naseleniya Buryatii (Rossiya), Mongolii i Vnutrenney Mongolii (Kitay) v konce XX - nachale XXI vv. M.) (in Russian)

⁶ Там же.

⁷ Ганибал Н. Мал аж ахуйн бодлого, уйл ажиллагаа (Скотоводческая политика и деятельность) - <http://www.mofa.gov.mn/new/images/banners/draft/ud03.pdf>

⁸ Бадарев Д.Д. Внутренние миграционные процессы в современном монгольском обществе // Ойкумена. 2012, № 4, с. 63. (Badaraev D.D. 2012. Vnutrennie migratsionnye protsessy v sovremenном mongolskom obshchestve // Oykumena. № 4) (in Russian)

⁹ Гольман М.И. Современная Монголия в оценках западных авто-

ров. М., ИВ РАН. 2009, с. 71. (Golman M.I. 2009. Sovremennaya Mongoliya v otsenkakh zapadnykh avtorov. M.) (in Russian)

¹⁰ Элбэгдорж Ц. Я сын простого арата, научившийся ходить среди высоких гор. Улан-Батор, СПб. 2014, с. 100.

¹¹ <http://www.toollogo2010.mn>

¹² Грейворонский В.В. Изменения в условиях жизни населения..., с. 85.

¹³ Жуковская Н.Л. Пространство и время в мировоззрении монголов // Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии. М., ГРВЛ, Наука. 1986, с. 126. (Zhukovskaya N.L. 1986. Prostranstvo i vremya v mirovozzrenii mongolov // Mify, kulty, obryady narodov zarubezhnoi Azii. M.) (in Russian)

¹⁴ Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. Изд. 2-е, перераб. и испр. СПб, ЕВРАЗИЯ. 2013, с. 172. (Skrynnikova T.D. 2013. Kharizma i vlast v epokhu Chingis-khana. SPb) (in Russian)

¹⁵ Жуковская Н.Л. Указ. соч., с. 127.

¹⁶ Байбури А.К. Этнографический музей: семиотика и идеология // Неприкосновенный запас. 2004, № 1 (33), с. 81.

¹⁷ Бреславский А.С. Постсоветский Улан-Удэ: культурное пространство и образ города (1991-2011 гг.). Улан-Удэ, Изд-во БГУ. 2012, с. 73-79. (Breslavskiy A.S. 2012. Postsovetskiy Ulan-Ude: kulturnoe prostranstvo i obraz goroda (1991-2011 gg.). Ulan-Ude) (in Russian)

¹⁸ X Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. Москва, 2-5 июля 2013 г. М., ИЭА РАН. 2013, с. 82-84.

¹⁹ Торжественное заседание Столичной палаты гражданских представителей // Монголия сегодня. 02.11.2014.

²⁰ Ушаков Д.В. Влияние природы на воспроизводство этничности: очерк о Северо-Западной Монголии // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2008, том 6, вып. 2, с. 118. (Ushakov D.V. 2008. Vliyaniye prirody na vosproizvodstvo etnichnosti: ocherk o Severo-Zapadnoy Mongolii // Vestnik NGU. Seriya: Filosofiya. Vol. 6, № 2) (in Russian)

²¹ Цит. по: Элбэгдорж Ц. Указ. соч., с. 100.

²² Bille F. Faced with extinction: myths and urban legends in contemporary Mongolia // Cambridge Anthropology. 2008. Vol. 28, № 1.

²³ Терентьев В.И. Монголия: современные механизмы национальной консолидации // Азия и Африка сегодня. 2014. № 5. (Terentiev V.I. 2014. Mongoliya: sovremennye mekhanizmy natsionalnoi konsolidatsii // Aziya i Afrika Segodnya. № 5) (in Russian)